

М.К. Пак¹, Т.В. Долгова^{2*}

¹Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан;
(e-mail: pakmarkon@yandex.ru)

²КГУ «Школа-лицей № 66», Караганда, Казахстан
(e-mail: azesmtatyana@mail.ru)

Лингвокультурема *жизнь* как код русской культуры

В данной статье раскрывается взаимосвязь языка и когнитивной деятельности человека посредством анализа одной из базовых, ключевых в языковой системе любого языка лингвокультурема — *жизни*. Появившаяся в середине XI в. во фразеологической системе языковая единица *жизнь* привносит сакральность и глубокое христианское понимание, определив осознание целостности *жизни* и *смерти*, их взаимосвязь: в контексте христианства жизнь подразумевалась как дар Бога; Творец обладал уникальной активностью; основной задачей человека было заботиться о вертикальном росте души и духа, обеспечивая необходимый для поддержания существования материальный минимум. В работе подтверждается, что священность во фразеологической системе сохраняется только в религиозном дискурсе, который менее подвижен. Секуляризация и научно-технический прогресс способствуют аккумуляции в ядре лингвокультурема *жизнь* компонентов, эксплицирующих ценности биологической жизни и ее социальных составляющих: на смену Богу как высшей ценности приходит государство, служение обществу становится приоритетнее, чем забота о частном благополучии. На смену заботе о душе приходит социальное служение и соответствие нравственно-этическим нормам, при этом сохраняется отрицательная маркированность легкой жизни в достатке и положительная коннотация жертвенности, отказа от личного удовольствия. Авторами отмечается, что с конца XX в. заметно осознание ценности частной жизни, личного пространства, права на гедонизм. В современном дискурсе с развенчанием идеи «государство как высшая ценность», с открытием границ русский человек начинает обустривать не только социальную и общественную, но и свою частную, личную жизнь, заботиться как о росте материальных измерителей, так и о качестве жизни в целом. Изучение диалектического единства лингвистического и экстралингвистического на основе сопоставления фразеологических единиц в диахронии и синхронии позволило показать, как в структуре одной из доминантных языковых единиц отразились изменения социально-политической и историко-культурной жизни общества, а также сделать вывод о том, что русская лингвокультурема *жизнь* проходит путь от осознания сакральности, божественности человеческой жизни и заботы о духовном росте через социальное служение государству, обществу и зависящую от этого нравственно-этическую характеристику своей жизни к обращению внимания на микрокосм своего существования и отказ от чужой оценки, зависимости от нее. Практическая значимость поведенного исследования заключается в применении основных положений и выводов в качестве иллюстративного материала для курсов по лингвокультурологии.

Ключевые слова: лингвокультурема, культурный код, дискурс, синхрония, диахрония, фразеология.

Введение

С развитием антропоцентрической парадигмы возникает множество междисциплинарных работ, одной из задач которых является изучение взаимосвязи языка с когнитивной деятельностью человека, а для этого необходимо объединить не только лингвистический, литературоведческий материал, но и активно использовать данные историко-политического, экономико-географического, социально-культурного, психологического характера. Для обозначения диалектического единства лингвистического и экстралингвистического в 1997 г. В.В. Воробьевым был предложен термин *лингвокультурема*. В понимании В.В. Воробьева, *лингвокультурема* есть совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак, это своеобразная комплексная единица, представляющая единство лингвистического и экстралингвистического содержания [1; 45]. Лингвокультурема образуют своеобразное пространство, которое В.А. Маслова определяет как *лингвокультурную парадигму* [2; 49]. Понятие *лингвокультурной парадигмы* тесно связано с *языковым сознанием*, которое А.А. Леонтьев понимает как образ мира той или иной культуры [3; 39].

В конструировании лингвокультурема большое значение имеет исследование фразеологических единиц, поскольку в них наиболее явно сохранен историко-культурный опыт народа в силу длитель-

* Корреспондент-автор. e-mail: azesmtatyana@mail.ru

ного использования в определенных коммуникативных ситуациях большинством представителей одного языкового сознания. В застывшей форме заключена информация об особенностях национально-мировосприятия, содержатся наивные представления этноса о явлениях действительности, фиксируются происходящие аксиологические и коннотативные сдвиги, диахронические факты, социально-политические и культурные трансформации. Г.Г. Гиздатов и Л.А. Шеляховская подчеркивают, что это становится возможным благодаря кумулятивной функции языка [4; 4]. Н.М. Шанский и Т.А. Боброва называют основной причиной лексических различий в разных языках «поступательное движение языков в разных исторических ситуациях и периодах» [5; 28].

На важную роль *жизни* в осмыслении культуры любого народа указала Т.И. Вендина: «Категории жизни и смерти не просто входят в базисный семантический инвентарь культуры, они вплетены в язык и пронизывают все ее ментальное пространство, поэтому их культурный статус и смысл предстает здесь в «чистом» виде как элемент общественного типа сознания» [6; 47]. Таким образом, лингвокультурема *жизнь* является своеобразным этнокультурным кодом, компактно и концентрированно выражающим национальное мировидение, нравственные ценности.

Материал и методы исследования

Особое место в языковой и культурологической картинах мира занимает лингвокультурема *жизнь*, так как феномен жизни является одним из центральных аксиологических компонентов, включенных в состав базовых, духовных ценностей любого этноса. Поэтому закономерно, что данная языковая единица широко освещена в различных лексикографических источниках. Материалом исследования послужили словарные статьи из этимологических (М. Фасмер, Г.П. Цыганенко, П.Я. Черных и др.), толковых и фразеологических словарей современного русского языка (БАС, МАС, Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный Т.Ф. Ефремовой, Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения под ред. Г.Н. Складчиковой, Фразеологический словарь русского языка под ред. А.И. Молоткова и др.), исторических (Материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского, Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. под ред. Р.И. Аванесова, Словарь русского языка XI–XVII вв., Словарь русского языка XVIII века, Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля), диалектных (Архангельский областной словарь под ред. О.Г. Гецевой и др.), Словаря языка Пушкина под ред. В.В. Виноградова, словарей синонимов, антонимов русского языка, стимулы/реакции из ассоциативных словарей (Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности Ю.Н. Караулова, Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов), а также 215 фразеологических единиц из толковых и фразеологических словарей, данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Кроме того, материалом для исследования послужили труды известных ученых по вопросам лексикологии (А.А. Потебня, Н.М. Шанский, А.А. Поликарпов, О.С. Ахманова, А.И. Молотков и др.), истории русского языка (Б.А. Успенский, В.В. Колесов, Т.И. Вендина, Е.В. Петрухина, А.Г. Муллағалиева), лингвокультурологии (В.А. Маслова, В.В. Красных, В.Н. Телия), диалектологии (О.Г. Гецова, Е.А. Нефедова, Г.Г. Мельниченко, Б.А. Ларин), а также казахстанские исследователи: М.М. Копыленко, Ф.Ш. Оразғалиева, З.К. Сабитова и др.).

Для достижения поставленной цели в представленной работе был использован комплекс лингвистических методов: сравнительно-исторический и статистический методы, методы индуктивного и аналитического обобщения, комплексного и компонентного анализа. Также общенаучные методы и приемы, включающие анализ и синтез, классификацию, обобщение, сравнение, сопоставление. Системный многоаспектный подход к анализу лингвокультурема *жизнь* позволил раскрыть не только закономерности развития в соответствии с изменениями в социально-политической и культурно-исторической сферах, но и наметить пути дальнейшего развития этой языковой единицы в русской культуре.

Результаты и их обсуждение

Историко-сравнительный анализ показывает, что самые ранние фразеологизмы со словом *жизнь* были зафиксированы в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. под ред. Р.И. Аванесова (СРЯ XI–XIV) и связаны одним значением «жизнь, существование»: *временьна҃а жизньь, время жизни, жизньь боудущаго вѣка, жизньь вѣчьна҃а, древо жизни* [7; 260-261]. Данные языковые единицы указывают на первоначальное значение, с которым лексема *жизнь* вошла в русский дискурс, и объясняют право-

славное мировидение средневекового человека, создавая оппозиции «временный — вечный» и «земной — небесный». Жизнь в понимании древнего русича не ограничена смертью и не прерывается после нее, она имеет начало, но бесконечна и обращена вверх, к Богу. Интересную метафору, важную для понимания христианского осознания категорий *жизнь* — *смерть*, предлагает русский религиозный мыслитель и философ-футуролог Н. Федоров: соотнесение горизонтального положения со смертью, а вертикального — с жизнью, на которую способен только человек с момента осознания своей смертности и связанной с этим необходимости изменить положение [8]. Осознание своей физической смертности наделяет временную жизнь смыслом. Вся временная жизнь человека — это воспитание своей души, путь вверх, от того, насколько будет качественным этот процесс, зависит, какой будет вечная жизнь. Важным оказывается фактически период земной жизни, потому что именно он может быть изменен, здесь человек является сотворцом своей души: даже в ситуации, когда внешние обстоятельства неподвластны человеку, от его воли зависит внутреннее проживание, переживание, принятие, извлечение опыта преодоления негативных последствий для душевного и духовного состояния. Причем в христианстве позаботиться о дальнейшей жизни умершего могут только живущие, исправляя то, что не смог или не захотел сделать сам человек во время земного пребывания: средство — это молитва. Без *временной жизни* *вечная жизнь* невозможна. Рождаясь, человек делает первый шаг в вечность, поэтому для православного русича оппозиции ‘временный — вечный’ и ‘земной — небесный’ соединены в лингвокультуре *жизнь*, которая состоит из этапов: рождение, взросление, старость, смерть, вечная жизнь. В.В. Колесов отмечает: «Жизнь и смерть суть виды общего рода — бытия. Они соотносятся как вертикаль и горизонталь, как время и пространство, как цельность и распыление, как Добро и Зло» [9; 535]. Возможно, собственно эта способность отражать как жизнь временную, здесь и сейчас, так и вечную, будущую благоприятствовала тому, что именно *жизнь* номинирует и выражает лингвокультуре и концепт в русской культуре, тогда как во многих славянских языках (чешском, болгарском, сербском, словацком и др.) эту функцию выполняет *живот*. Словарь русского языка XVIII века (СРЯ XVIII) предлагает варианты *вечная* (*бесконечная, блаженная*) *жизнь* в значении «по христианскому вероучению — вечное блаженство, ожидающее праведников после их смерти», при этом *временная* (*здешняя, сия*) *жизнь* означает «по христианскому вероучению — жизнь человека до его смерти; противоп. вечной жизни» [10; 134]. Со временем вечная жизнь осознается как блаженная, а временная — приращает коннотации: тяжелая, бедная, полная страданий и лишений, где главным назначением человека становится духовный рост. Забота о материальном, обеспечение условий для временной жизни не должны отвлекать от основного предназначения человека: чем тяжелее человек существует, тем больше у него шансов приблизиться к идеальному состоянию, отсюда и восприятие материального достатка, избытка как нежелательного и осуждаемого в русской культуре. Неустроенность здесь и сейчас становится своеобразной гарантией блаженной жизни. Любопытно замечание Н.А. Бердяева: «...он [русский народ] был более народом откровений и вдохновений, он не знал меры и легко впадал в крайности» [11; 8]. Одной из таких крайностей является возвеличивание и абсолютизация аскезы, на что указывает Т.И. Вендина: описывая концепт *жизнь*, она использует также лексемы *трудоульник* «подвижник», *трудоути* «вести аскетический образ жизни, претерпевать мученический подвиг», *трудоу* «аскетическая жизнь, мученический подвиг» [12; 223]. Поэтому трудолюбие имеет особую ценность в русской культуре: с одной стороны, оно необходимо, чтобы обеспечить необходимый минимум для физического существования, а с другой — помогает душе совершенствоваться по вертикали до наступления смерти.

Особое значение в концептуальной картине мира приобретает выражение *древо жизни* как олицетворение вертикальной заданности существования человека, соединение земной и небесной жизни, связь человека с Богом, олицетворение правильного жизненного пути. Наряду с мощью духовной жизни, заключенной в выражении *древо жизни*, функционирует устойчивое сочетание *нить жизни*, отражающее хрупкость, ненадежность, недолговечность земной жизни, постоянную угрозу для существования. Примечательно, что *нить жизни* (*жизненная нить*) появляется только в СРЯ XVIII, создавая оппозицию: ‘прочность духовной — хрупкость земной’, при этом знакомый нам современный код ‘жизнь как путь, дорога’ в русском языке закрепляется гораздо позже и находит фиксацию только в словарях современного русского языка. Зыбкость существования человека подчеркивается и отсутствующими ранее выражениями: *потерять жизнь*, *возвращать жизнь*, *спасти жизнь*.

Для характеристики земной жизни в СРЯ XVIII появляются устойчивые сочетания: *вести жизнь*, *влачить жизнь*, *спасти жизнь*, *жизни нет*, *жизнь моя*, *история жизни*, *образ жизни*, *общественная* (*гражданская*) *жизнь*, *частная жизнь*, *окончить жизнь*, *отнять жизнь*, *положить жизнь*,

при жизни, прожить жизнь и др. [10]. Представленные языковые единицы составляют с уже названными *нить жизни, временная (здесьняя, сия) жизнь* 89 %, тогда как небесная жизнь представлена всего 2 выражениями (11 %): *вечная (бесконечная, блаженная) жизнь и древо жизни*. Такое соотношение ново для русской культуры: если для средневекового русича жизнь — это дар Бога, а основной смысл жизни — это забота о душе, то со временем человеку становится интересна та жизнь, что знакома, реальна, осязаема. Человек ощущает себя не только объектом Божественной воли, но и субъектом жизни здесь и сейчас. Можно *даровать жизнь*, а можно *отнять, пресечь, прекратить*, человек становится автором своей *истории жизни, своего образа жизни*. Появляется необходимость осмыслить эту действительность, детализировать земную жизнь, определить существенные составляющие, без которых *жизни нет*, причем сделать это необходимо *при жизни*. Человек должен не только позаботиться о духовном совершенствовании, но и улучшить качество материальной, социальной сфер, так возникают отмечаемые в СРЯ XVIII новые выражения: *общественная (гражданская) жизнь, частная жизнь*. Во многом это связано с десакрализацией русской культуры, усилением социальности, прагматичности: жизнь становится не временным отрезком на пути к вечности, а полноправной реальностью, которую надо обустроить. Усиление осознания своей ответственности за прожитую жизнь отражается также в истории выражения *влачить жизнь*, которое фиксирует СРЯ XVIII с пометой «поэтическое». Дальнейшая судьба этого фразеологизма указывает на актуализацию субъектного, волевого начала, что снижает коннотацию: *влачить жизнь* становится выбором человека, причем недостойным и осуждаемым. Например, в НКРЯ можно увидеть такие контексты: «Да ведь ты согласился бы *влачить жизнь* цепной собаки, только бы жить...» (А.И. Куприн «Впотьмах», 1892); «Ещё страшнее *влачить жизнь* без цели, без надежды, без интереса» (Юрий Безелянский «Герой. Бунтарь. Анархист», 2009) [13]. Анализ контекстов позволяет утверждать, что *влачить жизнь* маркируется как 'низкое, недостойное существование', при этом приобретает негативные коннотации. Чтобы не *влачить жизнь*, необходимо активное участие в обустройстве земной жизни во всех ее аспектах: биологическом, физиологическом, социальном, культурном и духовном.

Если ценностная парадигма русского средневековья делала акцент на духовном и неразрывно связывала его с культурным, то по мере продвижения по диахронической оси вера отделяется от культуры, а жизнь нагружается аксиологическими компонентами, среди которых немаловажными становятся социально-общественные параметры. Жизнь перестает быть духовным подвигом, но не становится в русской культуре гедонистической ценностью. Русский человек лишен возрождения, он из средневековья сразу попадает в классицизм: от долга перед Богом — к долгу перед государством, но если в первом случае он занят обустройством души, то во втором — общества.

Жизнь в современном дискурсе воспринимается как объективная реальность, единственная действительность: *в жизни видеть, как в жизни, в жизнь не, никогда в жизни, ни в жизнь, правда жизни, по жизни* [14]. Разрушается прежняя оппозиция небесной и земной жизни, что способствовало появлению иронической коннотации в предложениях с сочетанием *вечная жизнь*. Так, НКРЯ по запросу с данным выражением предлагает 170 вхождений. Если отбросить религиозные и философские контексты, где сохраняются первоначальное значение и коннотация этой языковой единицы, и обратиться к художественному и публицистическому дискурсу, то заметно обыгрывание и отсутствие патетики. Например, «На следующем листе очень аккуратными печатными буквами было выведено: «КОКТЕЙЛЬ «ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ» ЧЕЛОВЕК!» (Виктор Пелевин «Generation «П», 1999) [13].

Параллельно с утратой оппозиции развивается новый метафорический ряд: на смену *древо жизни* приходят *книга жизни, корень жизни, море жизни, эликсир жизни*. Интересно положение выражения *книга жизни* в современной культуре: в целом в нем затухает сакральность, отсылающая к главной книге христианина — Библии, активно реализуется компонент земной жизни, в связи с чем появляется значение «общечеловеческая история, историческая память, судьба человека, прожитая жизнь». Не только *книга жизни*, но и *корень жизни* подвергаются десакрализации. В современных фразеологических словарях отмечается только одно значение «одно из названий женьшеня», где имплицитно еще прослеживается сакральность: с одной стороны, синонимический ряд для обозначения женьшеня: *дар Богов, соль земли*, а с другой — лечебные свойства растения. Так, *корень жизни*, получив метафорическое переосмысление, выражает значение «суть, основа жизни», причем жизни реальной, земной. Человек перестал думать о вечной жизни, дарующей бессмертие души, и заинтересовался вечной молодостью, бессмертием земного существования. Так, в русской культурной парадигме обосновывается алхимическое выражение *эликсир жизни*, постепенно приобретая значение «то, что бодрит, придает силы; всякое хорошее и сильнодействующее лекарство». Максимально компо-

нент 'реальность' проявляется в выражении *море жизни*, означающем «жизнь с ее заботами и волнениями», особенно явно в соотношении с сочетанием *житейское море*. Несмотря на то, что обе языковые единицы даются с пометой «устаревшее, поэтическое/книжное», в светском дискурсе отсутствует религиозное прочтение метафоры, которое можно наблюдать в следующем примере из НКРЯ: «Форма церкви наподобие корабля внушает верующим, что через *море жизни* может провести нас в небесное пристанище только церковь» (С.А. Еремеева «Лекции по истории искусства», 1999) [13].

Таким образом, современные выражения *книга жизни*, *корень жизни*, *море жизни*, *эликсир жизни* в светской культуре десакрализованы и метафорически осмысляют земную жизнь, тогда как в религиозном дискурсе сохраняют связь с идеей вечной жизни. Смена культурной парадигмы изменяет еще одну ключевую метафору: хрупкость, ненадежность земной жизни, выраженная в коде *нить жизни*, *обрывать нить жизни*, *жизнь на нитке (на волоске)* трансформируется в более прочный *жизненный путь*, разветвленную *дорогу жизни*, где человек выступает субъектом деятельности (*идти по жизни*, *найти свою дорогу в жизни*) или объектом, но зависящим от другого человека, а не от Божьего промысла (*дать дорогу в жизнь*, *получить путевку в жизнь*).

Несмотря на то, что выражение *дорога жизни* появилось сравнительно недавно, во время блокады Ленинграда, эта языковая единица, вступив в синонимию с уже знакомым в русской культуре сочетанием *жизненный путь*, приобрело новые значения. Так, в НКРЯ встречаются контексты, где *дорога жизни* обозначает «связующую нить, путь спасения»: «Утром все туда едут, вечером возвращаются. *Дорога жизни*. Все работают там, где платят» (Ольга Андреева «Стланная стлана» // «Русский репортер», 2014) [13]. В НКРЯ встречается и пример с контекстным противопоставлением «человеческая дорога — исторический путь», где дорога утрачивает компоненты 'волевое решение' и 'субъектность человека', делая его слабым, но уже не перед небесным богом, а перед реальной историей: «Переплелась *дорога жизни* Митко Гачева с *путем Колеса Истории*». (Георгий Гачев «Господин Восхищение (Повесть об отце)», 1989) [13]. Возможно, подобное расширение семантической структуры *дорога жизни* связано с тем, что дорога — весьма важный код в любой культуре, поскольку соединяет время и пространство. Временной параметр отчетливо прослеживается в русской лингвокультуре *жизнь*. Если для средневекового человека были важны две характеристики: временный и вечный, то в современной культуре земная жизнь приобретает самооценку, что делает ее линейной (*линия жизни*, *длинной в жизнь*) и позволяет определить основные вехи: физическое рождение (*ступить в жизнь*, *с первых дней жизни*), молодость (*заря жизни*, *вся жизнь впереди*), социальное становление (*начинать жизнь*, *вступать в жизнь*), зрелость (*умудренный в жизни*) и старость (*закат жизни*, *на покон жизни*, *последних лет жизни*, *коротать жизнь*). Темпоральность земной жизни передается и в следующих выражениях, делающих акцент также на однократность (*раз в жизни*, *первый раз в жизни*) или продолжительность (*долгая жизнь*, *всю жизнь*, *на всю оставшуюся жизнь*, *по гроб жизни*, *пронести через всю жизнь*).

Линейное осмысление жизни в реальном времени ограничило существование отдельного человека двумя точками: рождением и смертью, причем отсутствие христианского принятия смерти как продолжения жизни, с одной стороны, демонизировало смерть, а с другой — показало ценность человеческой жизни. Осознание этого способствовало появлению таких выражений, как *дорого продать свою жизнь*, *сохранение жизни*, *дело жизни*, *смысл жизни*, *цвет жизни*, *клясться жизнью*, но при этом при необходимости (объективной или придуманной) человек может *подвергнуть свою жизнь опасности*, *рисковать жизнью*, *жизни своей не жалеть*, *играть жизнью и смертью*. Человек начинает опасаться крайней точки невозврата, существуя *на грани жизни и смерти*, *между жизнью и смертью*, при этом определяя крайнюю степень важности как *вопрос жизни и смерти*. Именно осознавая ценность своей жизни, он может сознательно не щадить себя, когда дело касается ключевых моментов, без которых жизнь теряет свою ценность. С другой стороны, в земной, прагматической жизни существование отдельного человека имеет значение в большей степени для него самого, в отличие от религиозной, где значим каждый из *книги жизни*. Такое нивелирование привело к возможности закрепиться словосочетаниям: *десятки жизней*, *миллионы жизней* и т. п. — и отсылает к отмеченной выше оппозиции «Бог — государство»: где государство может не заметить частного случая, его интересует масштабность происходящего, более того, ради светлого будущего оно может пожертвовать несколькими людьми (человек-жертва) или убедить их сделать это во имя высшей цели, которая всегда в пределах земного существования (человек-герой). Это усиливает осознание ценности своей жизни и ответственности за нее.

Другим важным аксиологическим компонентом в лингвокультуре *жизнь* является изменение субъекта: если в православной культуре это был Бог, то теперь либо сама жизнь (*жизнь мыкает кого-либо, жизнь катится, жизнь кипит*), либо сам человек (*полный жизни, хозяин жизни*), который не только осознает ценность, но и старается эту ценность придать своей жизни, а для этого необходимо деятельное участие как в продолжении и сохранении физического существования (*борьба за жизнь, спасти жизнь, возвращаться к жизни*), так и в необходимости социального обустройства (*устраивать жизнь, пройти в жизнь, окунуться в гущу жизни, зарабатывать на жизнь, налаживать жизнь, кипеть жизнью, идти по жизни, занять свое место в жизни, жизнь провести, делать жизнь, уходить в жизнь, взять от жизни, вкладывать в жизнь, вычеркнуть из жизни*), в дополнении реальности чем-то новым и необходимым (*проводить в жизнь, вызывать к жизни, воплощать в жизнь; приходить в жизнь*). В современном мире, чтобы правильно *строить жизнь*, необходимо знать новые общественно-политические, социально-культурные коды: духовная вертикаль христианства сменяется *вертикалью власти и социальной лестницей*. Интересное осмысление получает сочетание *не знать жизни*: для человека современной культуры это отрицательный фактор, характеризующий его как «наивного, неискушенного, не разбирающегося в жизни, неприспособленного», а для человека, «живущего более духовной, чем материальной жизнью, не обращающего внимание на минусы в жизни», это качество несет положительный заряд. Важным компонентом и залогом успеха становится надежный партнер: *жизнь моя; подруга жизни; свет жизни; спутник, спутница жизни*.

Но самым существенным маркером активности субъекта становится передача от Бога *права жизни и смерти*: теперь человек может *дать жизнь, щадить жизнь*, а также способен привести другого в чувство, вселить в него надежду и веру (*вдохнуть жизнь, возвращать к жизни*), обладает властью распоряжаться чужой жизнью (*покушаться на жизнь, лишить жизни, отнимать жизнь*).

Еще одним показателем активности является управление качеством земной жизни, которое зависит от волевых решений. Примечательно, что компонент ‘управление’ появляется гораздо раньше, чем осознание измеряемости этого ‘качества’. Так, выражения *уровень жизни, индекс уровня жизни, индекс стоимости жизни, вздорожание жизни, биологические ритмы жизни* фиксируются только в Толковом словаре русского языка начала XXI века под ред. Г.Н. Складчиковой [15; 230]. В лингвокультурологическую парадигму XXI в. входит также само устойчивое сочетание *качество жизни*, фиксируемое тем же словарем, но имеющее различное контекстное употребление: от материального, социального до нравственного, психологического. Перечисленные критерии качества земной жизни призваны в основном определить материальный достаток (*уровень жизни, индекс уровня жизни, индекс стоимости жизни, вздорожание жизни, качество жизни*). Возможно, на современном этапе актуализируется ушедший на периферию компонент ‘имущество’, который был активен в семантической структуре лексем *жить* и *жизнь* в средневековье, но при этом важно было иметь необходимое для поддержания существования, избыток же осуждался.

В жизни-дороге как культурном коде человека могут ждать различные опасности и испытания (*на все случаи жизни, мелочи жизни*), и от того, какой выбор сделает человек, зависит аксиологическая оценка его жизненного пути (*как моя жизнь*), а выяснение — основным коммуникативным вопросом (*Как жизнь?*). Так, положительная оценка связана с возможностью субъекта прожить содержательно, с осознанием ценности, уникальности каждой жизни на земле (*жить полной жизнью, полная жизнь*), отрицательная — с неумением стать единственным творцом своей жизни, потратить ее бессмысленно, впустую (*искать легкой жизни, маячить жизнь, носиться по жизни, мыкать жизнь, прожигать жизнь*). Русского человека поджидают многочисленные проблемы и нивелирование ценности, причина чего кроется в христианском осознании жизни как временного явления, а поэтому не достойного внимания и заботы: *растительная жизнь, собачья жизнь, животная жизнь, сарайная жизнь, проза жизни, жизни не рад, не от хорошей жизни, рутина жизни*). Примечательно, что поиски *легкой (сладкой) жизни, жизни в шоколаде* в русской культуре тоже маркируются отрицательно. Приведем пример из НКРЯ: «В особом блоке жизнь шла сытнее, чем в рабочем лагере, но это была *лёгкая жизнь* лабораторных мучеников-животных». (Василий Гроссман «Жизнь и судьба», 1960) [13]. Аналогично происходит с сочетаниями *не жизнь, а малина (масленица, рай, благодать)*, в которых сама жизнь уже в этом противопоставлении осознается как тяжелая, полная страданий, т.е. ценность с отрицательной коннотацией. Несмотря на безоценочность значения, фиксируемого словарями «о счастливом, веселом, беззаботном существовании в полном довольстве», контекстный анализ указывает на непринятие такой жизни обществом, на отсутствие закрепления ее в культурном коде, поскольку подобная жизнь превращает субъекта в объект, лишает его активности. Не умеет русский

получать удовольствие от жизни, быть гедонистом, ему необходимо жить для Бога, государства, социума, другого значимого человека (ребенка, супруга, родителя). Страдать ради идеи всегда важнее, чем получать удовольствие от своей жизни, первое позволяет стать героем, а последнее всегда вызывает либо чувство вины, либо осуждение и ожидание неизбежности наказания.

Взаимодействие компонентов 'активность' и 'качество' может выражаться не только по отношению к своей жизни, но и к чужой, при этом улучшение чужой частной, не общественной, жизни нетипично и выражается одним сочетанием (*устилать жизнь розами*). Секуляризация в русской культуре привела к поиску других ценностей, потому что русскому человеку необходимо верить. Показательно как легко и надолго прижилась новая идея светлого будущего — коммунистического; духовный подвиг, монашеская, аскетичная жизнь получили новое наполнение: заботиться необходимо о *десятках, тысячах, миллионах жизней*, отказываясь от своего комфорта и при необходимости лишая удобства одного отдельного человека или даже группу людей ради миллионов. В русской культуре можно жертвовать жизнью ради другого, но улучшить качество его жизни, *устлатъ жизнь розами* чревато, что еще раз подтверждает: лингвокультурема *жизнь* сопряжена с жертвенностью, страданиями и всегда обращена в будущее безотносительно того, что там ожидает. Поэтому не случайно, что значение «усложнить, ухудшить жизнь, снизить ее качество» представлено целым рядом фразеологических единиц: *устроить веселую жизнь, разбивать жизнь, разрушить жизнь, превращать жизнь в ад, омрачать жизнь, отравлять жизнь, не давать жизни, лезть в жизнь, ломать жизнь, заедать жизнь, дать жизни, губить жизнь, заедать жизнь и др.* Примечательно, что сознательно и намеренно «усложнить, ухудшить жизнь, снизить ее качество» можно только применительно к отдельной, частной жизни. Возникает своеобразная культурно-социальная оппозиция: забота об устройстве десятков жизней, но при этом разрушение одной, своей или чаще чужой. Однако это способствовало осознанию того, что помимо *общественной (гражданской) жизни* есть еще *частная (интимная) жизнь*, а также *супружеская, холостая, девичья*. Все это желательно скрывать и оберегать, чтобы кто-нибудь не имел возможности повлиять на изменение качества или осудить за его избыток: *другая жизнь, вторая жизнь* в значении «тайная, скрытая от всех». На пересечении компонентов «качество», «активность» и «частный характер» возникли и такие выражения, как *новая, старая, прежняя жизнь*, что указывает на активное изменение вследствие появления новой ценностной парадигмы.

Крайней степенью осознания субъектности и активности в своей жизни становится возможность остановить свое существование, умереть: *класть жизнь, кончить жизнь, отдать жизнь, отходить от жизни, отойти к лучшей жизни, остановить жизнь, обрывать нить жизни, покончить жизнь самоубийством, покончить с жизнью, прощаться с жизнью, переселиться в будущую жизнь, расстаться с жизнью, терять жизнь, уйти из жизни, уход из жизни, полатиться жизнью, свести счеты с жизнью, свести с жизнью*. 18-ти фразеологизмам, отражающим активность человека по отношению к смерти, противостоят 2, в которых просматривается компонент 'пассивность': *лишиться жизни и решиться жизни*. Однако активность в данном случае мнимая и скрывает страх перед смертью. К 20-ти указанным выше выражениям, содержащим компонент 'смерть', можно добавить еще 3: *несовместимый с жизнью, без признаков жизни, не подавать признаков жизни*. 11 % от всего корпуса фразеологических единиц со словом *жизнь* составляют эвфемизмы, необходимость которых А.А. Поликарпов объясняет следующим образом: «Эвфемизация — это сознательная или подсознательная замена *прямых, страшных или неприятных для общающихся наименований более нейтральными наименованиями*. Эвфемистические замены понижают степень эмфатичности обозначений» [16; 693]. Так, на смену христианскому принятию смерти пришел страх перед смертью, табуирование, породившие большое количество эвфемизмов.

Заключение

Лингвокультурема *жизнь* является своеобразным этнокультурным кодом русской культуры, тесно связанной с языковым значением, но при этом всегда не равной ему. Появившись в середине XI в. во фразеологической системе лингвокультурема *жизнь* привносит сакральность и христианское понимание, определив осознание целостности *жизни* и *смерти*, их взаимосвязь: в контексте христианства *жизнь* подразумевалась как дар Бога, Творец обладал уникальной активностью, основной задачей человека было заботиться о вертикальном росте души и духа, обеспечивая необходимый для поддержания существования материальный минимум. Сакральность во фразеологической системе сохраняется только в религиозном дискурсе, который исторически менее подвижен. Секуляризация и

научно-технический прогресс способствуют аккумуляции в ядре лингвокультуремы *жизнь* компонентов, эксплицирующих ценности биологической жизни и ее социальных составляющих: на смену Богу как высшей ценности приходит государство эпохи классицизма, а затем и социализма, служение обществу становится приоритетнее, чем забота о частном благополучии. На смену заботе о душе приходит социальное служение и соответствие нравственно-этическим нормам, при этом сохраняется отрицательная маркированность легкой жизни в достатке и положительная коннотация жертвенности, отказа от личного удовольствия; компонент 'аскеза' в русской лингвокультуре *жизнь* наполняется новым смыслом: человек не может предаваться радостям жизни, ему необходимо отказываться от удовольствий ради иного варианта вечной жизни — коммунизма, где его ждет отдых и блаженство. С конца XX в. заметно осознание ценности частной жизни, личного пространства, права на гедонизм. В современном дискурсе с развенчанием идеи «государство как высшая ценность», с открытием границ русский человек начинает оглядываться и обустривать не только социальную и общественную, но и свою частную, личную жизнь, заботиться как о росте материальных измерителей, так и о качестве жизни в целом, включающем удовольствие от своего места в социуме, в семье, гармоничности внутреннего мира.

Таким образом, русская лингвокультурема *жизнь* проходит путь от осознания сакральности, божественности человеческой жизни и заботы о духовном росте через социальное служение государству, обществу и зависящую от этого нравственно-этическую характеристику своей жизни к обращению внимания на микрокосм своего существования и отказ от зависимости от чужой оценки.

Список литературы

- 1 Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы) / В.В. Воробьев. — М.: Изд-во РУДН, 1997. — 405 с.
- 2 Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
- 3 Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1999. — 287 с.
- 4 Гиздатов Г.Г. О соотношении концептуальных и языковых структур / Г.Г. Гиздатов, Л.А. Шеляховская // Функционирование единиц языка и речи. — Караганда, 1994. — С. 3–11.
- 5 Шанский Н.М. О национально маркированной номинации в русском языке / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва // Русский язык в школе. — 1997. — № 4. — С. 22–30.
- 6 Вендина Т.И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры / Т.И. Вендина. — М.: Институт славяноведения РАН, 2007. — 336 с.
- 7 Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. [в 10-ти т.] / гл. ред. Р.И. Аванесов. — М.: Рус. язык, 1990. — Т. 3. — 511 с.
- 8 Федоров Н.Ф. Собрание сочинений [в 4-х т.]. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. — Т. 1. — 518 с.
- 9 Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте / В.В. Колесов. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. — 624 с.
- 10 Словарь русского языка XVIII века / сост. О.Е. Березина и др. — СПб.: Наука, 1992. — Вып. 7. — 263 с.
- 11 Бердяев Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 400 с.
- 12 Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. — М.: Индрик, 2002. — 336 с.
- 13 Национальный корпус русского языка. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>
- 14 Фразеологический словарь современного русского литературного языка [в 2-х т.] / под ред. проф. А.Н. Тихонова. — М.: Наука, 2004. — Т. 1. — 832 с.
- 15 Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / гл. ред. Г.Н. Складерская. — СПб.: Фолио — Пресс, 1988. — 700 с.
- 16 Поликарпов А.А. Модель жизненного цикла знака: К теоретическим основаниям исторической лексикологии и дериватологии / А.А. Поликарпов // Славянская лексикология. Международная коллективная монография. — М.: Азбуковник, 2013. — С. 679–702.

Орыс мәдениетінің коды ретіндегі *өмір* сөзінің лингвокультуремасы

Мақалада кез келген тілдік жүйедегі негізгі *өмір* сөзінің лингвокультуремасы арқылы тіл мен адамның когнитивті әрекетінің өзара байланысы ашылған. Фразеологиялық жүйеде ХІ ғасырдың ортасында пайда болған *өмір* лингвомәдениеті *өмір* мен *өлімнің* тұтастығы туралы хабардарлық пен олардың өзара байланысын анықтай отырып, қасиеттілік пен христиандық түсінік әкеледі: христиандық контексте *өмір* Құдайдың сыйы ретінде қарастырылды, Жаратушы ерекше белсенділікке ие болды, адамның басты міндеті — жан мен рухтың одан әрі өсуіне қамқорлық жасау, өмір сүруді қамтамасыз ету үшін қажетті материалдық минимум. Фразеологиялық жүйедегі киелілік аз қозғалатын діни дискурста ғана сақталады. Секуляризация және ғылыми-техникалық прогресі *өмір* лингвокультурема өзегінде биологиялық өмір мен оның құрамындағы басқа да компоненттерінің шоғырлануына ықпал етеді: ең жоғары құндылық ретінде саналған Құдайды мемлекет алмастырады жеке әл-ауқатқа қамқорлық жасаудан гөрі, қоғамға қызмет ету басымдыққа ие болады. Жанға деген қамқорлықтың орнына әлеуметтік қызмет пен соған сай моральдық-этикалық нормалар келеді, бұл жағдайда өркендеудегі жеңіл өмірдің теріс жағынан көрінуі және құрбандықтың оң коннотациясы — жеке ләззаттан бас тарту сақталады. ХХ ғасырдың аяғынан бастап, адамдардың жеке өмірдің, жеке кеңістіктің, гедонизм құқығының құндылығын түсініне бастағандығын байқауға болады. Қазіргі дискурста «мемлекет — ең жоғары құндылық» деген идеяны жоққа шығара отырып, орыс халқы шекаралардың ашылуымен тек әлеуметтік және қоғамдық өмірін ғана емес, сонымен бірге өзінің жеке өмірін де ретке келтіре бастады, олар материалдық өлшемдердің өсуіне және жалпы өмір сапасына да қамқорлық жасай бастайды. Диахрония мен синхрониядағы фразеологиялық бірліктерді салыстыру негізінде тілдік және экстралингвистиканың диалектикалық бірлігін зерттеу — үстем тілдік бірліктердің бірінің құрылымында қоғамның әлеуметтік-саяси және тарихи-мәдени өміріндегі өзгерістерді қалай көрсететінін анықтауға мүмкіндік берді, сондай-ақ *өмір* сөзі орыс лингвокультурема адам өмірінің киелілігін, құдайлықты сезінуден бастап, мемлекетке, қоғамға әлеуметтік қызмет ету арқылы рухани өсуге және соған байланысты өз өмірінің моральдық-этикалық ерекшеліктеріне көңіл бөлуден өтеді және оған тәуелділіктен, басқа біреудің бағалауынан бас тарту және өз болмысының микрокосмына назар аударту деген қорытындыға келеді. Жүргізілген зерттеудің тәжірибелік маңызы лингвомәдениеттану бойынша курстарға арналған иллюстрациялық материал ретінде негізгі ереже мен қорытынды жасауға қолдануында.

Кілт сөздер: лингвокультурема, мәдени код, дискурс, синхрония, диахрония, фразеология.

The linguacultural unit *life* as a code of Russian culture

This article reveals the interconnection between language and human cognitive activity through the analysis of one of the basic, key linguacultural units in any language — *life*. Appeared in the middle of the XI century. in the phraseological system of linguoculturalism, life introduces sacredness and Christian understanding, determining the awareness of the integrity of life and death, their connection: in the context of Christianity, life was meant as a gift from God, the Creator had a unique activity, the main task of man was to take care of the vertical increase of the soul and spirit, providing the material minimum necessary to sustain existence. Sacredness in the phraseological system is retained only in religious discourse, which is less mobile. Secularization and scientific and technological progress promoted the accumulation of life components in the core of linguoculturalism that explain the values of biological life and its social components: the government replaces God as the highest value, and service to society becomes a priority over caring for private well-being. Caring for the soul is replaced by social service and conformity with moral and ethical standards, while maintaining the negative labeling of an easy life in prosperity and the positive connotation of sacrifice and renunciation of personal pleasure. Since the end of the XX century there is a noticeable understanding of the value of privacy, personal space, and the right to hedonism. In the modern discourse with the discrediting of the idea of “the state as the highest value”, with the opening of borders, the Russian person begins to equip not only social and public, but also his private, personal life, to take care of both the growth of material measurements and the quality of life in general. The study of the dialectical unity of the linguistic and extra linguistic based on the comparison of phraseological units in diachrony and synchrony has revealed how the changes in the socio-political and historical-cultural life of society have been reflected in the structure of one of the dominant language units. It also allowed to conclude that the russian linguacultural unit *life* goes the way from awareness of the sacredness, divinity of human life and the concern for spiritual growth through social service to the state, society, and the dependent on it moral and ethical characteristic of one’s own life to focusing on the microcosm of one’s existence and rejection of someone else’s assessment and dependence on it. The practical significance of the conducted research lies in the application of the main provisions and conclusions as illustrative material for courses on linguaculture.

Keywords: linguacultural unit, cultural code, discourse, synchrony, diachrony, phraseology.

References

- 1 Vorobiev, V.V. (1997). *Lingvokulturologia [Linguoculturology]*. Moscow: Izdatelstvo Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov [in Russian].
- 2 Maslova, V.A. (2001). *Lingvokulturologia [Linguoculturology]*. Moscow: Izdatelskii tsentr «Akademia» [in Russian].
- 3 Leontiev, A.A. (1999). *Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]*. Moscow: Smysl [in Russian].
- 4 Gizdatov, G.G., & Sheliakhovskaia, L.A. (1994). O sootnoshenii kontseptualnykh i yazykovykh struktur [On the relationship between conceptual and linguistic structures]. *Funktsionirovanie edinits yazyka i rechi — Functioning of language and speech units*. Karaganda [in Russian].
- 5 Shanskii, N.M., & Bobrova, T.A. (1997). O natsionalno markirovannoi nominatsii v russkom yazyke [About the nationally marked nomination in Russian]. *Russkii yazyk v shkole — Russian language at school*, 4, 22–30 [in Russian].
- 6 Vendina, T.I. (2007). *Iz kirillo-mefodievsogo nasledia v yazyke russkoi kultury [From the Cyril and Methodius Heritage in the language of Russian culture]*. Moscow: Institut slavianovedenia RAN [in Russian].
- 7 Avanesov, R.I. (1990). *Slovar drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv. [Dictionary of the ancient Russian language of the XI–XIV centuries]*. (Vols. 1–10; Vol. 3). Moscow: Russkii yazyk [in Russian].
- 8 Fedorov, N.F. (1995). *Sobranie sochinenii [Collected works]*. (Vols 1–4; Vol. 1). Moscow: Izdatelskaia gruppa «Progress» [in Russian].
- 9 Kolesov, V.V. (2006). *Russkaia mentalnost v yazyke i tekste [Russian mentality in language and text]*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie [in Russian].
- 10 Berezina, O.E. (1992). *Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]*. Saint Petersburg: Nauka [in Russian].
- 11 Berdiaev, N.A. (1999). *Russkaia ideia [The Russian idea]*. Moscow: OOO «Izdatelstvo AST» [in Russian].
- 12 Vendina, T.I. (2002). *Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavianskogo yazyka [A medieval man in the mirror of the old slavic language]*. Moscow: Indrik [in Russian].
- 13 Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [The national corpus of the Russian language]. Retrieved from <https://ruscorpora.ru/> [in Russian].
- 14 Tikhonov, A.N. (2004). *Frazeologicheskii slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological dictionary of the modern Russian literary language]*. (Vols. 1-2; Vol.1). Moscow: Nauka [in Russian].
- 15 Skliarevskaja, G.N. (1988). *Tolkovy slovar russkogo yazyka kontsa XX veka. Yazykovye izmenenia [Explanatory dictionary of the Russian language of the end of the XX century: Language changes]*. Saint Petersburg: Folio [in Russian].
- 16 Polikarpov, A.A. (2013). Model zhiznennogo tsikla znaka: K teoreticheskim osnovaniyam istoricheskoi leksikologii i derivatologii [The life cycle model of a sign: Towards the Theoretical Foundations of historical lexicology and derivatology]. *Slavianskaia leksikologia. Mezhdunarodnaia kollektivnaia monografiia — Slavic lexicology. International Collective monograph*. Moscow: Azbukovnik [in Russian].

Information about the authors

Pak Margarita Konstantinovna — Doctor of Philological Sciences, Professor, Karaganda Buketov University, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: pakmarkon@yandex.ru

Dolgova Tatyana Vladimirovna — Master of pedagogical sciences, Teacher, Lyceum School No. 66, Karaganda, Kazakhstan; e-mail: azesmtatyana@mail.ru